

— В начале октября я уехал в Ленинград.

11 октября 1969 г., Ленинград.

— Здравствуй, дорогая Сашуленька!

— Прости, что задержался с письмом, но в этой беготне у меня не было ни минуты свободного времени в спокойной обстановке. Настроение у меня поганое, хочу домой и, наверное, скоро приеду. Но расскажу всё по порядку.

— Во-первых, ноги у меня стёрты в трёх местах, поэтому еле хожу, а ходить приходится без передыху. Переодеться же не во что - вся моя старая обувь пропала (спёрли или выкинули в общежитии).

— Далее, с Б.Е. я встретился в первый же день, отдал ему всё, что напечатал. В Сочи он не едет, а уехал вчера в Апатиты, откуда обещал дней через 10 выслать мою работу со своими замечаниями в Ладушкин, где я, соответственно, и должен быть к этому времени. Деньги я ему отдал, хотя почему-то он пытался оставить их мне.

— В третьих, я полтора дня пытался устроиться в общежитии, так как моё место в четвёрке оказалось занятым, мотался между 4-м общежитием, жилотделом и 1-м общежитием, ругался до остервенения и, наконец, приткнулся в 1-й общежитии. Описывать всё подробно просто противно - бардак невообразимый. Беда ещё вот в чём - для того, чтобы прописаться в 1-м общежитии, мне нужно выписаться из 4-го, а также... выписаться из Ладушкина(1), чёрт побери! Что делать - пока не знаю. Наверное, плюну на всё и уеду.

— У Любаши с Жоркой всё в порядке. Мама с папой уехали 3-го. Сына они назвали Андрюшкой; парень маленький, похож на Жорку, здоровый(2), крикливый в меру, ест хорошо. Позавчера были крестины с участием Любкиных и Жоркиных друзей. Ленку Виленского провозгласили крёстным отцом.

— Стипендию я получил. Дела мои здесь до отъезда - выяснить, как быть с пропиской, придумать и растолковать дипломанту, что делать дальше и кое-что почитать в БАНе. Да, ещё неприятная новость. В одной из моих последних статей рецензент нашёл ошибку - в чём дело, я пока ещё не разобрался.

— Пиши мне на Любин адрес. Крепко, крепко тебя целую. Рвусь в Ладушкин. Поцелуй доченьку и бабушку. Как Иринка себя ведёт? Твой Саша.

— 1) Летом, появившись в Ладушкине впервые после весеннего бегства от вызова в милицию, я от греха подальше прописался в своей, то бишь в Сашенькиной квартире, ну их в баню, хотя меня никто и не беспокоил больше по этому поводу. Теперь же надо было выписываться, чтобы перепрописаться в Ленинграде, несмотря на то, что у меня в паспорте стоял штамп временной ленинградской прописки сроком на три года.

— 2) Андрюшка родился 1-го августа. И в октябре ещё никто не знал, что у ребёнка родовой вывих ножки и патология мочевого канала, это ещё предстояло узнать, пережить (Жорка рыдал) и излечить: месяцы во младенчестве с растяжками для вправления ноги, три операции в разные годы по прокладыванию мочевого канала в положенном месте, а для этого - найти хорошего специалиста, попасть к нему, устроить ребёнка на операцию... Всё это легло на плечи не столько даже Любы, хотя и ей, конечно, досталось, сколько нашей мамы, проявлявшей по отношению к своим внукам ещё большую самоотверженность, чем по отношению к своим детям.

Жора и Люба с Андрюшкой, декабрь 1969 г.

В конце октября я вернулся в Ладушкин, где должен был получить от Б.Е. свою работу с его последними замечаниями. К ноябрьским праздникам возвратился из длительного рейса на научно-исследовательском судне "Академик Курчатов" Юра Шагимуратов и привёз кучу впечатлений. В это же время в Калининграде оказался и Славик Ляцкий, приезжавший к Аллочкиным родителям, жившим в Калининграде, навестить свою дочку Юлю (или, может, привёз её к ним на зиму). Славик был у нас в Ладушкине, когда вся наша компания собралась по случаю праздников у Тихомировых.

В центре внимания был, конечно, путешественник, посетивший Рейкьявик и Лас-Пальмас, Дакар, Брест и Бостон. Расспросы, расспросы... О ценах, зарплатах, мелочах быта, нравах, машинах, магазинах, кино, музеях, но больше всего о ценах и зарплатах. Ничего особенно нового мы не узнавали, если не считать деталей, но эти детали, увиденные и рассказанные хорошо знакомым тебе человеком, составляли увлекательную живую картину, лучше всякого кино. Ну, например, в музее в Бостоне тебе на подносе подают рюмку вина, и это входит в стоимость билета. В Лас-Пальмесе во всех магазинах знают, за каким именно тряпьем гоняются русские моряки - нате, пожалуйста. В Дакаре вот такие маски можно купить. В Рейкьявике живут на редкость демократично - вот дом министра, такой же как у рядового трудяги. И что там овцы едят? - одни гейзеры, а все в шерсти. Больше же всего понравился Шагимуратову заход в Брест благодаря одному французу, который водил их по кабакам и показывал, что и как едят и пьют французы. В общем, живут "там", как в анекдоте сказано: "Загнивают, паразиты. Но какой запах!"

С капитаном Шагимуратов непрерывно скандалил - тот не позволял ему дежурить у трапа в босоножках на босу ногу и вообще придирался.

Было и ЧП. Один из научных сотрудников, специалист по космическим лучам, молодой парень из ИЗМИРАНа попытался было в Бресте удрать, но сопровождающие его изловили и вернули на корабль - из боязни, что их накажут - не уследили, мол, и не пустят в следующий раз в рейс или не выпустят на берег при очередном заходе. Тогда бедолага завернул в полиэтилен свои документы, оттиски статей, сунул всё это за пояс, вылез из иллюминатора и бросился вплавь к желанному берегу. В это время его вызвали по "матюгальнику" к помощнику капитана. Ждут, его нет. Послали за ним - в каюте нет. Стали везде искать - нету! Сообщили на берег французам. А парень в это время мучился у волнореза, пытаясь забраться на него. До берега плыть было далеко, и он поплыл к пирсу, но было довольно сильное волнение и вылезти на пирс ему не удавалось. Французы его подобрали и отвезли обратно на корабль, где беглец до конца рейса был посажен в каюту

под арест. Дома его сочли свихнувшимся, отправили в больницу, потом вроде бы выпустили с Богом...

—Прощаясь, Слава сказал мне: "А ничего у вас компания. Юра Шагимуратов мне очень понравился". И мне почему-то было лестно это слышать, будто меня самого похвалили.

—В середине или конце ноября я вновь в Ленинграде. До окончания аспирантуры остался месяц с небольшим, в течение которого нужно было закончить оформление диссертации и представить её на заседании кафедры для получения рекомендации к защите, т.е. пройти предзащиту. Остальные хлопоты, связанные уже собственно с защитой, переносились на следующий год, когда я уже должен был работать в ПГИ.

—Но на мне висела ещё одна забота - мой дипломник, Серёжа Кравченко. Он сам напросился ко мне, т.е. выбрал меня в качестве руководителя дипломной работы где-то ещё в начале года. Я согласился. Он производил на меня в общем неплохое впечатление, и я взялся опекать его, причём не только в плане дипломной работы.

—Мы вместе ходили пить кофе, обычно в "Сайгон" - так именовалась студентами кофейная забегаловка на углу Невского и Литейного проспектов под рестораном "Москва", болтали о том, о сём, беседовали "за жизнь". Серёжа во всём со мной соглашался, поддакивал, делал вид, что ему страшно интересно всё, о чём я говорю. Я же не сразу и заметил, что он просто делает вид. На лето наши встречи, естественно, прервались. По части дипломной работы Серёжа был полностью и подробно озадачен: я достаточно чётко сформулировал ему, что, в какой последовательности и к какому сроку нужно делать. Серёжа бодро отвечал, что ему всё ясно, и всё будет сделано.

—Но вот уже ноябрь, защита диплома на носу, и я с ужасом выясняю, что ничего ему не ясно и ничего не сделано. Причём до последнего момента этот разгильдяй водил меня за нос и уверял, что всё идёт нормально, он всю работу трудится и скоро принесёт показать мне результаты. Оказалось, что он обыкновенный сачок, но к тому же ещё трепло необыкновенное, изображающее из себя творческую личность. Разочарование моё было велико, а ещё больше была досада на собственную слепоту - не раскусил сразу этого гуся, душу ещё перед ним изливал.

—Но за его дипломную работу и я отвечаю, нельзя же теперь просто плюнуть на него - поступай, мол, как знаешь. Пришлось придумывать авральные варианты и заставлять его работать под неусыпным контролем. Кое-что и кое-как он всё-таки сделал и защитил в конце концов дипломную работу со скрипом на три балла, причём на защите я с ужасом выяснил из его ответов на вопросы, что он ещё и элементарно безграмотен в физике - и это мой дипломник! Как он вообще-то до сих пор учился, сдавал экзамены, многие на "хорошо", а некоторые даже на "отлично"? Наверное, пожинал плоды своего актёрства. Ему бы, наверняка, удавались роли положительных героев в производственных фильмах, у него и внешний вид подходящий - вполне положительный... Ну, да Бог с ним. Кстати, много позже я узнал, что сразу после окончания университета его забрали служить офицером на два года, в армии он и остался. Нашёл своё место.

(продолжение следует)